

Дочь Болотного царя

Аисты

В туманах северной страны, в селеньях викингов суровых
С приходом радостной весны ждут аистов прилета скоро.
Из жарких стран летят они, чтоб на родных просторах неба
Увидеть дальние огни звезд севера в туманной неге.
Вернувшись, станут обживать на зиму брошенные гнезда,
Чтоб научить птенцов летать и вырастить их до морозов.
Из аистиных пар одна давно уже жила на крыше
Среди богатого двора, на башне замка, что всех выше.
И викингов древнейший род здесь властвовал давно – веками,
И подчинялся им народ и вся земля под их ногами.
Последний викинг по неделям с дружиной уходил в поход,
Преуспевая в ратном деле, и богател из года в год.
Он был силен, жесток и молод, но нравом яростен и дик –
Как будто в сердце его холод туманом ледяным проник.
Но по традиции извечной по достижение зрелых лет,
Покончив с юностью беспечной, женился, брачный дав обет.
Его невеста молодая была беспечна и нежна,
Добра, застенчива. Другая ему была жена нужна.
Но делать нечего, супругу наш викинг все-таки любил,
И свою нежную подругу он баловал, по мере сил.
Он привозил ей из походов наряды, кольца, жемчуга,
Сокровища других народов и золотые кружева.

Жена его благодарила, но драгоценные дары
Она почти что не носила, в светелку спрятав до поры.
А викинг, занятый пирами, давно уже не замечал,
Как над точеными бровями лежит морщинок тень-печаль.
Она не знала, в чем причина, но только нет у них детей.
И стала грызть ее кручина – и с каждым годом все сильнее.
Она встречала, провожала всех аистов уж много лет,
И снова, снова ожидала узнать в беде своей совет.
Но снова верила, что вскоре дитя ей аист принесет,
И позабудет она горе, и счастье в дом ее придет.

Египетская принцесса
Вдали от датских холодов за лесом и бескрайним морем
Лежит страна сухих ветров, горячих вьюг в песчаном поле.
А на закате иль заре кроваво-алые зарницы
Осветят, словно в алтаре, вершину царственной гробницы.
И разольются огневые ручьи по склонам пирамид,
И вниз бегут словно живые – в их всполохах песок горит!
Могучий Нил змеею вьется среди песчаных берегов –
Египта сердце в водах бьется, свет жизни – волею богов!
Нил протекает, как граница – на берегу его одном
Прекрасный мир, живые лица, и город мертвых на другом.
Среди гробниц царей почивших фигуры сторожей стоят,
Встречая всех, сюда прибывших, от них не отрывая взгляд.
Там храмы в честь богов древнейших сияют белизной колонн –
А власть жрецов наимудрейших сердца людей берет в полон.
А в городе живых искрится листва под солнцем золотым,

И чистая вода струится в фонтанах серебром живым.
А как же величав, прекрасен дворец египетских царей!
Он как звезда – сияет ясно среди цветущих миндалей.
Роскошны царские палаты – здесь мрамор редкостных пород,
Везде вокруг сверкают латы и собирается народ.
Колонны белоснежным всплеском стремятся ввысь, под облака,
И ослепительнейшим блеском бежит орнаментов река.
Но те, кто собрались в покоях, стоят печальны и грустны –
Вкруг ложа царского. И трое жрецов к царю приглашены.
Уже давно недуг тяжелый царя терзает и томит.
Но ни жрецы, ни лекарь новый не знают, где болезнь горит.
Он умирает потихоньку, и замирает кровь его,
И слышит он совсем легонько удары сердца своего.
Здесь две принцессы молодые сидят тихонько у крыльца –
Пугают их глаза живые, что смотрят с мертвого лица...
А третья, младшая принцесса, за руку держится его,
Лицом уткнувшись в занавески, вокруг не видя ничего.
Она от горя похудела, вставала лишь воды испить,
И по ночам за ним глядела, чтоб смерть к отцу не подпустить.
И вот жрецы, посовещавшись, сказали мудрый свой совет –
«Принцесса пусть, не побоявшись, приедет в храм богов чуть свет.
У предков царствующих ныне богов узнаем волю мы –
В час предрассветный над пустыней их души вызовем из тьмы!»
И поклонившись, удалились, шаги их стихли вдалеке.
Принцессы страшно удивились – «Кому идти гадать к реке?»
Но младшая сказала сестрам: «Готова я идти туда,

У мертвых душ или по звездам ответ найду – пойду одна!»

Они перечить ей не стали, ведь в череде прошедших дней

Они жалеть отца устали – И ждали смерти поскорей.

Принцесса младшая умылась, и взяв богатые дары,

В шелка и пурпур нарядилась, велев за ней зажечь костры.

И после полночи принцесса спустилась к берегу одна,

Ладья прорвала тьмы завесу – возшла печальная луна.

На берег мертвых вышла смело, не дрогнув, встретив Сфинкса взгляд,

И точно к времени успела, ни разу не взглянув назад.

У входа в храм ее встречали и провели под мрачный свод,

Туда, где умерших венчали со смертью в вечный хоровод...

Под жертвенником вдруг внезапно взметнулось пламя вихрем ввысь,

В огне так ясно и понятно слова глухие раздались:

«Та, что пришла с полночным ветром, иди сюда, я расскажу,

С каким домой придешь ответом – иди же ближе, я ведь жду!»

И подойдя к огню вплотную, пав на колени перед ним,

Принцесса слушала, тоскуя, как возвратить отца к живым:

«Лишь та любовь, что миром правит, живым огнем в сердцах горя –

Лишь та любовь одна заставит вернуться в мир живых царя!

Прекрасным лотосом цветущим из дальних северных глубин

И светом нежным всемогущим она придет с диких равнин.

Там, за песками и за морем, в датских северных лесах

Болотный край бескрайним полем раскинут в диких чудесах.

Там лотос расцветет целебный и упадет тебе на грудь –

Тогда услышишь гимн хвалебный и сможешь в счастье отдохнуть...»

Тут голос смолк, и пламя стихло, с колен принцесса поднялась –

Верховного жреца с улыбкой спросила, чуть оборотясь:

«Но как я доберусь на север, как отыщу болотный край?

Скажи мне, лишь тебе я верю – ответ древнейших разгадай!»

И жрец сказал ей: «Не печалься! Я дам тебе и двум другим

Лебедек крылья. Собирайся! Лети на звездные огни!»

Две старшие принцессы все же не очень рвались за сестрой,

Отец был ей всего дороже, а им – лишь собственный покой.

Но как они бы не хотели, да передумали потом –

И вместе с нею полетели, втроем покинув отчий дом.

Болотный царь

В диких северных просторах, среди лесов бескрайней мглой

Болота стелятся... И шорох здесь каждый слышен, как живой.

Здесь каждый всплеск – как вздох украдкой, и каждый шелест, словно крик,

И как на покрывале гладком узор из лотоса возник.

Там, в глубине, в тумане тусклом Болотный царь века живет,

И свет даже полоской узкой пробить не сможет темный лед.

И вот однажды в небе синем три лебедя возникли вдруг,

Спустились вниз на пень осины, болото облетев вокруг.

И сбросив птичьи наряды, всмотрелись в глубину воды –

Прекрасны, словно три наяды, длинноволосы, молоды.

А младшей тут же показался там, под водой большой цветок,

И он еще не распускался – в нем сомкнут каждый лепесток.

За лотосом нырнув в болото, она слышала тогда:

«Так не видать тебе полета – ты не вернешься никогда!»

Вдруг лебедями обернувшись, порвали в дым ее наряд –

И на нее не оглянувшись, они отправились назад...

А младшая осталась плакать, в тоске звала своих сестер,
И слезы продолжали капать... Но как Болотный царь хитер!
Он пнем прикинулся корявым, и чтоб принцессу не пугать,
Прикрылся до поры бурьяном, решив ее не отпускать.
Он, одурманив сонным зельем, увлек ее с собой во тьму,
И там жила она, не смея проснуться, веря лишь ему...
А царь Болотный сны-дурманы вокруг принцессы рассадил,
И темным облаком туманным к болотам путь загородил.
там, в болотной дымке вечной она живет во сне теперь –
И звезды на дороге млечной не разглядят ее постель.
Она укрыта в серой тине прекрасным лотоса цветком,
И в чашечке, как на перине, принцесса спит, забывшись сном.

В Египте

Принцессы старшие, вернувшись, всем объявили, что сестра
Погибла, лишь на миг очнувшись, и в мир Осириса сошла...
Они летели над равниной, когда, пронзенная стрелой,
Она упала... Синий-синий туман стелился над водой.
В тени, под деревом ольховым, Она нашла себе приют.
И каждый день с рассветом новым ей песни соловьи поют.
Им все поверили... Но сестры страшились глянуть на отца –
И раскаленным жалом острым жег взгляд верховного жреца.
По молчаливому прошенью царя о дочери меньшей
Верховный жрец в полночном бденье узнал о ней ответ такой:
«Принцесса младшая проснется, но не один минует год –
Она на родину вернется, целебный лотос принесет!»
Никто не знал, что это значит, но увидали, наклонясь,

Как царь беззвучно горько плачет, в душе о дочери молясь.
Верховный жрец, не доверяя принцессам старшим жизнь отца,
Остался с ним, покой не зная, под сенью царского дворца.
Но из людей никто не ведал – еще один свидетель есть,
Он всю историю разведal, спасти принцессу счел за честь.
Он видел, как принцессы злые покинули сестру свою,
И понял мысли их лихие – смерть принести отцу-царю.
Он облетел болото кругом и видел, где принцесса спит,
И как над ней сонным недугом тумана пелена висит.
То аист, черно-белый странник, что летом в Дании живет,
Зимой же севера посланник весну в Египте жарком ждет.
Египте он гнездо построил на крыше царского дворца,
И видел весь клубок историй с балкона главного крыльца.
Он лебединые одежды у двух сестер унес к себе,
Лелея твердую надежду помочь принцессиной судьбе.
Он с помощью птенцов подросших нести их в Данию решил,
Преград предвидя много сложных, скорее вылететь спешил.
И стая аистов, собравшись, покинув Нила берега,
Ввысь неба затемно поднявшись, на север двинулась тогда.
Хельга
Звезды севера над миром горят в туманной пелене,
Леса волной зелено-синей шумят в родимой стороне.
Но средь лесов живут в дурмане и словно манят вглубь кого-то,
Запутав в сумрачном тумане, хмельные дикие болота...
Их Царь жесток и дик – бездушен, не зная жалости, любви,
Живет... И свет ему не нужен – одни болотные огни.

Болотный царь затянет в тину любого, кто придет сюда,
А дальше – дно болот, трясина – и свет померкнет навсегда...
И души тех, кто здесь остался, погребены в тумане мглы –
В огни болота превратятся, вплетаясь в ожерелье тьмы.
Однажды утром аист белый, кружась над гладью черных вод,
Услышав детский плач несмелый, спустился вниз и сбавил ход...
Как колыбелька, лотос нежный качался в сердце злых болот,
А в лепестках лилово-снежных малютка плачет и зовет!
Когда туманная завеса рассеялась от взмахов крыл,
Увидел аист – то принцесса...И в изумлении застыл.
Но поразмыслив, он подумал, что прилетел сюда не зря –
Малютка – дочь ее, свет лунный...И дочь Болотного царя!
И ручку свив для колыбели из стебля лотоса и трав,
Отнес малютку он на берег, ничуть при этом не устав.
Он вновь задумался и вспомнил, что викинга жена давно
Мечтает, чтобы он исполнил ее желание одно.
Что много лет подряд с надеждой она его прилета ждет,
Но нет детей у ней, как прежде, она давно в тоске живет.
И проводив болота взглядом, он полетел к себе домой,
И положил малютку рядом со спящей викинга женой.
лаза открыв от шума крыльев, она в восторге замерла,
И руки опустив бессильно «Спасибо» - прошептать смогла...
Но тут же спрыгнула с постели и побежала слуг скликать,
Чтоб приготовить пир успели – рождение дочери справлять!
Омыта утреннею негой нежнейших лотоса цветов,
Она дает ей имя – Хельга, как аромат лесных ветров.

Немного радость омрачало лишь то, что маленькая дочь
От материнских ласк кричала, царапалась... Спустилась ночь...
Когда заката луч последний исчез за темной пеленой,
Сидела жаба на постели пред стихшей викинга женой!
Она не верила виденью – искала Хельгу и звала,
Не зная, по чьему велению исчезнуть девочка могла.
Но успокоившись немного, на жабу посмотрела вновь,
И вдруг, с неясною тревогой в глазах увидела...любовь!
Как безобразна была жаба, но так печальна и кротка!
Сама попасть внутрь не смогла бы она, ведь в двери три замка...
И женщина, ее жалея, ласкала жабу, как дитя –
Вдруг луч рассвета, пламенея, на жабу пал, сквозь тьму летя...
Малютка Хельга, как принцесса – в объятьях матери своей
Кусалась, словно зверь из леса, хотела вырваться скорей!
И женщина, вздохнув печально, взглянула снова на нее,
Но кроме злобы изначальной не увидела ничего.
«Как видно, это духи злые околдовали дочь мою –
Пусть ждут ее ветра больные, и все же я ее люблю!»
Она подумала, что викинг не должен знать ее беды –
Лишь только днем он дочь увидит, как лотос в капельках воды.
Ведь по традиции суровой дитя, рожденное больным,
С обрыва нужно бросить в море, чтоб род не сделался худым.
Она не даст ее на гибель, ведь может быть, потом она
Сумеет снять заклятье. В мире есть духи светлые добра!
И с той поры она скрывала ночами Хельгу от людей,
Но как помочь – пока не знала, а дочь любила все сильнее.

И вот из дальнего похода домой вернулся викинг вновь,
Увидел в дочке дикость рода, и в нем развеселилась кровь!
Он закатил пир небывалый, что продолжался много дней –
На драгоценных покрывалах несметная толпа людей!
На месте главном и почетном сам викинг со своей женой
Сидел средь роскоши несчетной – вино и мед лились рекой.
И скалды прославляли рьяно супругу викинга и дочь –
И весь народ хмельной и пьяный им вторил. Наступила ночь...
И снова жаба грустно, нежно на мать несчастную глядит
С любовью и тоской безбрежной – с ней рядом на постели спит.

Юность

Как быстро годы пролетели – шестнадцать весен пронеслось,
Журчанье стихло, смолкли трели...Взметнулось облако волос...
На диком жеребце галопом, вцепившись в гриву, без седла
Несется прямо к горизонту красавица, как ночь-луна.
Глаза, как ночь и звезды юга, а косы – ворона крыло,
Изогнуты капризно губы – азарт пьянит как хмель-вино.
Да, Хельга расцвела, как лотос, и распустилась, как цветок.
Прекрасный лик и нежный голос – нрав необуздан и жесток!
Она не знает состраданья, не знает жалости, любви –
И материнские стенанья затихнут в сумрачной дали...
Она так любит забавляться, чтоб слышать материнский плач –
В стремнине дикой искупаться, иль без седла носиться вскачь.
А то еще на край колодца присесть, качаясь на весу –
На мать взглянув через оконце, вдруг спрыгнуть прямо в глубину!
В забавах диких, безрассудных, соперников у Хельги нет –

В опасных играх и бездумных она живет уж много лет.
И лишь к закату понемногу стихает буйный ее нрав,
Как будто тихую тревогу приносит запах сонных трав.
А ночью на луну, вздыхая, она глядит через окно,
Но в жабьем теле жизнь другая – ей больше чувствовать дано.
И забираясь на колени к несчастной матери своей,
В немом отчаянном волненье прощенья просит за боль дней.
И женщина опять с любовью ее прижмет к груди своей,
Где сердце, обливаясь кровью, все бьется в пламени свечей.
И только викинг был доволен бесстрашной дочерью своей –
За честь наследную спокоен, он всем рассказывал о ней.
Бывало, Хельга на обрыве отца завидя издали,
Бросалась вниз, и как ундины, плыла наперез ладьи.
Такие шутки всех пугали, но викинг баловал ее –
И принимал всерьез едва ли рассказы, жалобы, нытье.
И лишь однажды удивился, услышав гневной дочки речь,
Но и тогда не возмутился и не подумал зло пресечь.
Отцу сказала Хельга злобно: «Приди сегодня за тобой
Твой враг – я буду пню подобна, не встану пред твоей судьбой!
Да, я ослепну и оглохну, не помогу тебе в беде –
Еще звучит набатом громким пощечина, что дал ты мне!»
Но Хельге викинг не поверил, но подивился, как она
Была прекрасна в своем гневе – как величава и горда!
И только мать ее печально смотрела из окна на них,
С глубокой болью, но молчала – и скрылась в комнатах пустых.
Она чертить пыталась руны над бедной дочерью своей,

И тексты заклинаний трудных читала в темноте ночей.
Но все напрасно – неподвластна осталась Хельга свету чар.
И днем, когда была прекрасна, в крови как яд, горел пожар!
Лишь ночью безобразной жабой вдруг обретала свет души –
И мать тогда была так рада ласкать ее в ночной тиши.
Но невозможно снять заклятье – ведь Хельга родилась на свет
С тяжелым тягостным проклятьем, что будет с ней на много лет.
И мать – прекрасная принцесса спит до сих пор в болотной мгле,
И сон ее дурман-завеса хранит в туманной тишине.
Отец же – дикий Царь болотный, был тиной порожден на свет,
И лишь один инстинкт животный ведет его в потомках лет.
И два родительских начала в их дочери переплелись –
Свет тьмой разбавлен изначально, и их нельзя разъединить!
Рассвет
Однажды из походов дальних был пленник привезен в их дом,
Он был прекрасен и печален – не видел ничего кругом.
Как викинг объяснил домашним, он был миссионер Христа,
Но дрался храбро и бесстрашно, храня на теле знак креста!
И викинг впечатлен нисколько был храбростью его лихой,
Но его вера – не по нраву – он станет жертвой роковой...
Решился викинг, что исполнит он древний тайный ритуал –
Потомки пусть его запомнят, чтоб род могучим, сильным стал!
Но викинга жена пыталась его немного остудить,
И жертва бы живой осталась – тут Хельга стала говорить:
«Отец, отец – мне любо это – хочу сама своим ножом
Я горло взрезать в лучах света и кровь его испить потом!

Хочу богам нашим суровым его я в жертву принести –
И пусть тогда Бог этот новый его попробует спасти!»
И викинг, восхищенный страстью, с которой говорила дочь,
Решил кровавое причастье свершить, едва минует ночь.
Едва же ночь на замок пала, как викинга жена в слезах
И горе жабу осыпала упреками с тоской в глазах:
«Когда-нибудь и ты узнаешь, что значит горе и беда –
Пусть ты сейчас не понимаешь, но это ведь не навсегда!
Придет и твой час покаянья, тогда увидишь зло и тьму,
И как огромно расстояние, что ты пройдешь, скорбя, во мглу!
Меня уже не будет рядом, не сбережет моя любовь
Ту, что своим горящим взглядом повсюду хочет видеть кровь!»
И зарыдав от страшной боли, ушла, чтоб лечь в свою постель –
А жаба, замерла от горя, глядя на лунный свет и тень...
Когда же в замке все утихло, взяла горящую свечу,
И нож, который Хельга лихо крепила к левому плечу.
И отомкнув замок у двери, спустилась по ступенькам вниз,
И петли смазала, проверив, чтоб не поднялся скрежет, визг.
В подвале темном и холодном томился пленник молодой,
И он, хотя и был голодным, не тронул чугунок с едой.
Он время проводил в молитвах, прося простить ему грехи,
И ждал рассветный час он тихо, чтоб смерть принять от злой руки.
Когда же дверь приотворилась, то он не понял ничего –
В проеме жаба появилась, прося за ней идти его.
А жаба двинулась к конюшне и оседлала жеребца,
Красавца, он был самым лучшим – подарок Хельге от отца.

Затем она сняла веревки, что рассекла своим ножом,
Одним движеньем она ловко взлетела с пленником в седло.
Через поля, через долины они неслись всю ночь, пока
Не заалели сна вершины – зарозовели облака.
И первый луч рассвета жаркий, упав на жабу, в тот же миг,
Ее преобразил... Как ярко горел зарей девичий лик!
Но Хельга бросилась свирепо на юношу, чтоб нож вонзить...
А он сказал: «Постой, нелепо меня спасти, чтобы убить!»
Но нападала она снова и билась в ярости своей –
А он святым крестом и словом молитвы осенял над ней.
Пробуждение
И постепенно Хельга сникла, но слушая слова псалмов,
Сейчас в ее душе возникло виденье из далеких снов.
Как будто бы она малюткой лежит на глади черных вод,
И к ней в гримасах злых и жутких слетают призраки болот.
А самый злой и самый страшный берет ее к себе на грудь,
И от коряг касаний влажных малышке хочется уснуть...
А он, подняв ее повыше, им говорит: «Подите прочь –
Она уснула – так что тише! Моя принцесса, моя дочь!»
И вспомнив страшное виденье, вновь осененная крестом,
Очнулась Хельга в изумленье, поняв, кто был ее отцом!
И сожаление волною ее накрыло в первый раз –
И слезы жаркою рекою лились из покрасневших глаз.
И образ матери приемной печально улыбнулся ей –
И в глубине натуры темной зажглись вдруг искорки огней!
И Хельга вспомнила, как нежно та женщина любила дочь –

Любовь ее была безбрежна, но свет дарила только ночь.
И посмотрев на христианина, она заплакала навзрыд.
И вдруг услышала: «Дочь тины, поедem вместе – путь открыт!
Я отвезу тебя в селенье, где обрeтeшь ты свет души,
Садись за мной без промедленья, нам в путь пора уже – спeши!»
И Хельга вспрыгнула послушно в седло, но позади него,
А он сказал: «Ты ведь бездушна – и красота внушает зло.»
Они скакали день, а вечер лишь только шум дневной затих,
Принес им тягостную встречу – разбойники настeгли их!
И окружив, напали разом, вокруг лишь звон мечей стоит,
Их конь убит был почти сразу и мертвый на земле лежит.
Христианин, закрыв собою, пытался Хельгу защитить –
Но пал с пробитой головою, успев лишь нож в врага вонзить!
И Хельга, онемев от боли, застыла горестно над ним,
Поняв, что был он ей так дорог – но им не встретится живым...
Разбойники ее схватили и потащили за собой –
Лучи заката опалили, накрыли Хельгу с головой...
И вот уж жабой безобразной она глядит на них в упор –
Они от нечисти ужасной бежали, выронив топор.
Вернулась жаба к месту боя, слезы льются на траву,
Уносит их песок и хвоя вдаль по зеленому ковру.
Она оплакивает горько Христианина и любовь,
Что зарождалась только-только, и не воскреснет теперь вновь.
Потом, задумавшись немного, она решила закопать
Останки – грудой у дороги не дать им в полночи лежать.
Чтоб звери не могли добраться до человеческих костей,

И пиру гнусному предаться в кровавой темноте ночей.
Но стала рыть она могилу и разорвала лапы в кровь,
Поняв – ей это не под силу, задумалась в печали вновь.
Тогда она решила строить курган... До самого утра
Таскала камни, успокоясь, когда над ним легла гора...
И снова луч рассвета алый раззолотил лицо ее,
Но Хельга, словно не видала, не замечала ничего.
Она решила над курганом воздвигнуть крест, как он учил,
Чтобы за выросшим бурьяном всегда найти, где сном почил.
И вот, скрестив две ветви, Хельга воткнула крест среди камней,
Вдруг на нее спустилась нега – как будто Дух витал над ней.
Она очнулась ночью темной, оставшись девушкой теперь –
Среди прохлады полусонной Христианин стоял над ней!
И сон стряхнув в одно мгновение она услышала слова:
«Дочь тины – я твое спасенье, садись за мною на коня».
Два призрака и Хельга с ними летели звездною тропой,
Мелькали вдалеке равнины и приближался лес густой.
Вдруг Хельга увидела ниже цепь огоньков, ведущих круг –
Болота дикие все ближе, дурман-трава цветет вокруг.
И в самой середине тины увидела свое лицо –
Сном колдовским в глуби трясины она спит, взятая в кольцо...
Но ядовитая завеса растаяла в болотной тьме,
Когда проснулась мать-принцесса от слов молитвы в тишине.
Христианин креста знаменьем развеял колдовство болот,
И вынес мать и дочь на берег, где встретили они восход.
Он с ними навсегда простился, и Хельге улыбнулся вновь –

В лучах рассвета растворился, а с ним ушла ее любовь...

Она вдруг поняла – на свете любить не сможет никого,
Запомнит этот час рассветный и помнить будет лишь его.

Исцеляющий лотос

В то утро аисты собрались, чтоб на зиму лететь на юг,
Но вот один из них, взвиваясь, все облетал болота вокруг.

И, вдруг, он кинулся стрелою к гнезду, взяв перья лебедей,
Он скрылся за туманной мглой, стараясь двигаться быстрее.

Он скинул белые одежды к ногам принцессы, и она,
Вновь полная святой надежды, одела их на дочь сама.

Они взлетели, подняв ветер, что засвистел среди болот,
Солнца свет, лучист и светел водил по небу хоровод.

В то утро викинга супруга видала очень странный сон –
Из лебединых перьев вьюга кружила, укрывая дом.

А в самом сердце той метели тянула Хельга руки к ней,
И тут же лебедем взлетела среди кружащихся огней.

Она проснулась с шумом крыльев, и захотела проводить
В дорогу аистов, ей милых, и им тоску свою излить.

Ведь с той минуты, как пропала вместе с пленником их дочь,
Она от горя так устала – заснула только в эту ночь.

Она пошла на двор, к колодцу, но замерла, взмахнув рукой –
Два лебедя играли с солнцем, и шеи выгнуты дугой.

Ее завидев, лебедь малый к ней подлетел, в глаза глядя,
Она же перья целовала, узнав любимое дитя!

Она сказала ей: «Я знаю, что мы не свидимся с тобой,
Тебе с надеждой доверяю мою любовь забрать с собой!

Я вижу, ты уже другая, а я люблю тебя любой –
Когда-нибудь в цветущем рае мы снова встретимся с тобой!»
И вдруг, по крыльям лебединым скатилась горькая слеза,
А старший лебедь, шею выгнув, печально ей взглянул в глаза.
Он голову склонил пониже, как будто бы благодаря,
И к облакам взлетел повыше, где гасла ранняя заря...
Вот аисты взвились над лесом, прощаясь с родиной своей,
А с ними лебеди-принцессы кружили над травой полей.
И двинулись на юг всей стаей, летя вперед за вожакom.
А над курганом пролетая, взмахнула Хельга вниз крылом...
Но вот сменился лес песками, видны вершины пирамид,
И Нил своими берегами на солнце радостно блестит.
И утопает средь деревьев прекрасный мраморный дворец –
Влетев в окно и сбросив перья, принцесса крикнула: «Отец!
Смотри, отец, я возвратилась, и не одна вернулась в дом –
Я к жизни новой возродилась с прекрасным лотоса цветком!»
И Хельга повернулась к деду, коснувшись лба его и рук...
Такого чуда мир не ведал – царь, почти мертвый, ожил вдруг!
Он обнял внучку крепко, нежно, прижав ее к своей груди,
И понял, как любовь безбрежна, что к ней приводят все пути.
Он эти годы ждал лишь чуда – мечтал увидеть дочь живой,
И клял себя, что в ту минуту ее пустил в тот край чужой.
И не о собственном спасенье он думал ночи напролет –
Считал минуты, ждал мгновенье, что радость встречи принесет.
И вот теперь на дочь меньшую не может насмотреться он –
Ей гладит волосы, целует, боясь, что это только сон.

На Хельгу, как на чудо света любуясь, нежно царь глядит –
Ее лицо, как луч рассвета, дворец печальный озарит!
Здесь много лет уже пустынно, ничей не раздаётся смех,
Среди ночей бессонных, длинных для сердца не найти утех.
Две старшие принцессы, к счастью, давно покинули дворец –
Предвидя страшное ненастье за зло, что не простит отец.
И вот теперь прекрасный лотос расцвел зарей во тьме дворца –
И ласковый зовущий голос уже доносится с крыльца...
И царь, покинув сон покоев, впервые вышел на балкон –
Увидев снова песков море, был как мальчишка изумлен...
И воды Нила розовели в закатном пламени живом,
Вершины пирамид алели в прощальном вихре огнем!
Спускалась ночь... Пески звенели, и холод жар огня сменил –
Лишь звезды дальние бледнели, и в лунном свете блестел Нил.
И вдруг, всего в одно мгновение к земле приблизился свет звезд.
А ветер холодным дуновеньем им крики птиц ночных донес.
А звезды вновь к земле клонятся, все ближе, ближе лучи их –
И Хельге стало вдруг казаться, что голос звал ее... и стих...
Она в полночном небе звездном лицо увидела Его,
Но догадалась слишком поздно – уже не стало ничего...
И слезы навернулись горько, но, чтобы не тревожить мать,
Украдкой их смахнула только и, отвернувшись, ушла спать.
...Отец и дочь стояли рядом и всматривались в неба даль,
Как будто бы хотели взглядом навек прогнать свою печаль.
Как будто пережить хотели то, что в течение этих лет,
Как сон, лишь мимо пролетело, оставив уходящий след...

Но лишь потерянные годы им омрачали этот день,
И пережитые невзгоды на солнца свет бросали тень.
Наутро перед всем народом верховный жрец провел обряд –
Признав за Хельгой право рода, одев ей царственный наряд,
И диадема золотая легла на волосы ее,
Древнейший знак – змея литая вдаль смотрит сквозь небытие...
...В знак благодарности сердечной велел царь сделать барельеф –
Чтоб аист в памяти жил вечно, став назиданием для всех:
Рисунок редкостно прекрасен – расправив крылья и паря,
Летит к восходу белый аист, вдаль разливается заря.
Там лотос стелется по кругу ковром цветущим черных вод,
Два лебедя летят друг к другу через дурманный дым болот...
И аист счастлив был безмерно, но от смущения робел –
Служил он просто правде верно, а славы вовсе не хотел.
По просьбе Хельги аист взялся приемной матери снести
Кольцо, где мастер выбил надпись: «Люблю тебя, за все прости!»
Принцесса Хельга... Как напрасны вся роскошь, почести и власть,
Давно уже ей стало ясно – не жить ей в этом мире всласть.
Средь птиц, что улетали рано, просила Хельга соловья,
Чтоб каждый день он над курганом пел в час, когда взойдет заря!
Чтоб тот, кто там лежать остался, знал, услышав ту песнь любви,
Когда он с Хельгой попрощался, то свет зажег в ее крови.
А мать и дед не понимали, что так тревожит их дитя –
И развлечения меняли, чтоб смех ее звенел, летя...
И Хельга грустно улыбалась, стараясь не печалить их –
И им веселою казалась, не омрачая дней ничьих.

Верховный жрец один лишь понял, что боль в душе ее живет,
И что не будет ей покоя, и счастья Хельга не найдет.
И он смотрел на Хельгу горько, но ничего не говоря,
В печали думал: «Боги! Сколько ждет бед принцессу и царя...»

Душа

Прошло полгода незаметно, песок не раз горел огнем,
Сменяя ночи и рассветы и утекая с каждым днем.
И вот однажды над пустыней песчаный вихрь вдаль взлетел –
Путь каравана лентой дымной замел, где горизонт пустел...
И прямо ко дворцу направлясь, богатый караван застыл,
А всадник, спешившись и кланясь, царя принять его просил.
И в залу тронную посланник препровожден тот час же был,
Но от увиденного странник чуть цель визита не забыл.
На троне древних фараонов, как подтверждение торжества
Величия людских законов и воплощенья божества,
Царь восседал в венце из золота, и рядом с ним стояла дочь –
Средь залы, убранной богато сияли, словно день и ночь!
А рядом с матерью и дедом стояла Хельга, как цветок...
И красоты такой не ведал издревле север, юг восток!
Посол закашлялся в волненье, и через силу произнес:
«О царь! Прости мое смятенье – тебе я весть одну принес:
Аравия – страна большая, она богата и знатна,
И для Египта не чужая – наследнику нужна жена...
Принцесса Хельга так прекрасна, наш принц видал ее портрет –
Он день и ночь, наш месяц ясный, ждет - не дождетсЯ твой ответ!»
Царь и принцесса посмотрели на Хельгу, чтоб узнать какой

Ответ дать... с губ слова слетели, и Хельга вздрогнула: «Постой!

Я не хотела замуж вовсе, я не готова быть женой!»

Посол ответил ей: «Не бойся, ведь он живет одной тобой!

Когда же ты его узнаешь, поймешь, что лучше принца нет –

Ты счастья ведь не понимаешь, по юности прекрасных лет!»

Тут царь сказал: «Моя принцесса! Мой лотос нежный, подожди –

Перед тобой сейчас завеса, узнай же радости любви!»

И мать, обняв ее покрепче, сказала, ласково глядя:

«Мой лебедь, сердцу станет легче – печаль отступит от тебя!»

Смирившись, Хельга замолчала, не возражая больше им,

Печалась и не понимая – как сможет она жить с другим...

День свадьбы был назначен вскоре, и эту радостную весть

Посол через пустыни море до принца поспешил донести.

И пышный караван огромный песков пространство пересек –

И аравийский принц влюбленный в тот вечер был у Хельги ног.

Он был прекрасен, благороден, в ее глаза смотрел, любя –

«Пускай я сердцу не угоден,» – сказал: «Но я люблю тебя!»

И Хельга улыбнулась принцу и руку отдала свою –

Но сердце раненою птицей так билось, словно на краю...

Наутро Хельгу раздели со всею пышностью невест,

И на нее во всю глядела толпа со всех окрестных мест.

И пир роскошный царь устроил – весь день до самой темноты

Гудел народ... Шатры построил царь для гулявшей бедноты.

Жених, не отрывая взгляда, на Хельгу целый день смотрел,

Ждал завершения обряда – остаться с ней одной хотел.

...Приутомившись, Хельга вышла к вечерним звездам на балкон,

И вдруг... Среди тишины услышав – ее зовет, как раньше, Он!
Его лицо и облик милый она увидела теперь –
Никто не смог бы даже силой вернуть ее за эту дверь...
Она протягивает руки – и чувствует Его плечо!
Из глаз уж льются слезы муки и обжигают горячо...
Христианин... Призрак, виденье? Но он пришел сюда за ней –
И Хельга, словно сквозь забвенье летит с ним среди звезд огней...
И вот уже гробниц вершины усыпаны туманной мглой –
И Нила темные глубины блестят под звездной пеленой.
А дальше... Он сказал, что нужно вернуться Хельге поскорей –
Ее уж ищут, ее мужа снедает зарево страстей.
Но Хельга умоляла снова не возвращать ее назад –
Там, на земле – ее оковы...А Он печальный бросил взгляд...
И снова они в небе звездном, под ними разлились моря –
«Вернись домой, еще не поздно!» – «Оставь! Мне тягостна земля!
Ведь я летала вольной птицей, и ты мне показал весь мир –
Мне невозможно возвратиться!» – «Я жду...» - сказал... Туман поплыл...
И Хельга снова на балконе, в печали замерла, стоит –
Ну, что же делать, значит, воля... Дворец давно уже весь спит.
Она пошла по коридорам, но не узнала ничего –
Вокруг других картин узоры, чужие камни, серебро...
И даже собственных покоев не отыскать внутри дворца –
Знакомо только песком море, что видно с царского крыльца.
И слуги, ратники – чужие! И как же странен их наряд...
Все – люди, комнаты – другие, куда ни кинет Хельга взгляд!
В недоумении тревожном Хельга встретила рассвет,

И в сад тихонько, осторожно скользнула, все ища ответ...
И аистов увидя вскоре, пошла к ним, чтобы рассказать,
Какое приключилось горе - те не смогли ее узнать!
Но удивившись ее речи, что Хельге их язык знаком,
Они сказали: «Человечьи дела мы ведаем тайком,
Но ты одета странно очень, и говоришь, как в днях былых,
Ты появилась этой ночью?» Тут аист изумленно стих...
Потом заговорил в волненье: «Я знаю, где тебя видал!
Пойдем за мной к камню моленья – он слишком долго тебя ждал!»
...Там, в глубине, миндаль разросся, бросая кисти в гладь песка,
И белый памятник вознесся – тут Хельгу вдруг взяла тоска...
Она увидела на плитах, цветами убранных, как снегом,
И утренней зарей залитых, одно лишь слово, имя – Хельга!
И, замерев в протяжном вздохе, она вновь подняла глаза,
И словно пыль, песчинок крохи попали в глаз – бежит слеза...
Там мраморное изваянье взлетело к чистым небесам,
И как надежды воздаянье, лучи текут по волосам...
А ниже, ниже – там, на плитах, история о ней самой,
Как триста лет назад забытых она исчезла в час ночной!
И сколько горя было ближним, когда исчезла из дворца –
И выбито на камне нижнем рукой верховного жреца:
«Ее душа богам нездешним принадлежит уже давно –
Минует триста весен прежде вернуться Хельге суждено...
Она вернется... ненадолго, лишь попрощается с землей –
И дальше светлая дорога откроется ей в край иной!»
Пророчество... Но, неужели, когда она пошла за Ним,

Уж триста лет пройти успели – ведь время было ТАМ другим...
И повернув лицо к восходу, впервые сотворивши крест,
Она увидела дорогу, что вдаль вела из этих мест!
Дорога к солнцу поднималась, и свет ее в конце венчал,
И там, в лучах, она терялась...А Хельгу друг ее встречал!
Он ей сказал: «Теперь навечно с тобой соединились мы –
Лишь на земле жизнь скоротечна, и бьется свет в темнице тьмы.
Теперь душа твоя омыта, и ты свободна от оков,
Дорога для тебя открыта – летим за грань туманных снов!»
И Хельга руки протянула, коснувшись Его крепких рук,
И вновь в глаза Его взглянула, забыв тревоги и испуг.
И на дороге они вместе стояли, как пред алтарем –
Жених смотрел в глаза невесте, и в вечность шли они вдвоем!
Но Хельга все же в знак прощенья взгляд кинула на землю вновь...
Но через миг без сожаленья ушла в мир, где царит любовь.
...На мраморных холодных плитах и лепестками на восток
Лежал, среди лучей разлитых увядший лотоса цветок...